

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

III.

См. Въ предшествующей своей статьѣ, озаглавленной такъ же „Прошлый годъ“, я успѣлъ сказать только о смерти Фета и о поминкахъ по Некрасову, успѣлъ коснуться только этихъ двухъ литературныхъ событій прошлаго года. Были ли еще какія „событія“? Кажется, нѣтъ, кажется, все обстояло благополучно, то есть, журнальныя книжки и газетныя листы выходили своимъ порядкомъ, не возбуждая ничьего вниманія. Впрочемъ, я говорю только объ „изящной словесности“. Тутъ рѣшительно никакихъ „событій“ не было, кромѣ того что г. Чеховъ написалъ повѣсть, а г. Короленко издалъ вторую книжку своихъ прелестныхъ разказовъ: вотъ и вся „изящная словесность“, и хотя журнальныя книжки, по обычаю, наполнялись безчисленными повѣстями и романами, очерками и разказами, но все это не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ „изящной словесности“. И вотъ, читатель недоволенъ, а „обозрѣватель“ и подавно: нечего читать, нечего „обозрѣвать“.

Я не раздѣляю этого неудовольствія и думаю что если читателю нечего читать, то онъ самъ виноватъ въ этомъ. Можетъ - быть, и хорошаго новаго появляется такъ мало отъ того что забыли старое и ищутъ чтенія, ищутъ поученія, уже не въ книгѣ, не въ высокихъ произведеніяхъ человеческой мысли, человеческого творчества, а въ журнальной книжкѣ, во всемъ томъ балластѣ который ее наполняетъ, въ писаніяхъ которые сегодня будутъ прочтены чтобы завтра быть забытыми.

Вѣдь что такое журналистика для „изящной словесности“? Нѣчто въ родѣ выставки, гдѣ вы, на ряду съ Грѣзовскою головкой, найдете отвратительное малеванье. И ужъ, конечно, на одну Грѣзовскую головку придется тысячи болѣе или менѣе удачно размалеванныхъ холстовъ. Чтобы отыскать жемчужину, рѣдко попадающуюся въ этомъ хламѣ, нужно знать что такое жемчужина, нужно уметь узнавать ее. Чтобы узнать эту литературную жемчужину нужно смотрѣть сквозь призму высокихъ творческихъ созданій которые оставлены намъ прошлыми временами, нужно образовать свой вкусъ, свое пониманіе, изученіемъ этихъ созданій. Потому что только и есть цѣннаго что эти жемчужины, время отъ времени появляющіяся, а весь остальной хламъ есть всего только необходимое зло, нѣкоторое неизбежное сопутствующее явленіе.

„Интеллигентная“ толпа этого не понимаетъ и никогда не пойметъ, и вотъ почему она смотритъ на журналистику не какъ на выставку, гдѣ иногда можетъ появиться и истинное созданіе

искусства, а какъ на нѣчто представляющее собою положительный интересъ, какъ на нѣчто дающее уместившую и нравственную пищу. И вотъ почему „интеллигентная“ толпа, подобно своему прототипу, гоголевскому поручику Пирогову, любитъ потолковать о литературѣ, хвалить Булгарина, *Пушкина* и Греча, падка на всевозможныя новинки, въ которыхъ думаетъ видѣть „новое слово“, но понять настоящаго „новаго слова“ никогда не умѣетъ и всегда пропускаетъ его мимо ушей. Вотъ почему и журналистика всегда остается одною и тою же, является какою-то толкучимъ рынкомъ просвѣщенія, живетъ заднимъ числомъ, донашиваетъ старыя моды, и не по ней можно судить о движеніи идей въ обществѣ, а по явленіямъ происходящимъ внѣ ея и вопреки ей.

Такія явленія существуютъ. Такъ, появленіе книги С. А. Рачинскаго о сельскихъ школахъ, — книги, глубины своего содержанія несоотвѣтствующей своему заглавію, — было для нашей журналистики совершенно неожиданностью. С. А. Рачинскій и своею книгой, и своею дѣятельностью возбудилъ лишь общее недоумѣніе „интеллигенціи“ и выразительницы общинтеллигентныхъ мнѣній — журналистики, которая не поняла смысла этого явленія и до сихъ поръ не знаетъ какъ отнестись къ нему. То же случилось съ К. Н. Леонтьевымъ, литературную дѣятельность котораго „просмотрѣла“ и наша интеллигенція, и наша журналистика. И те перь, когда заговорили о К. Н. Леонтьевѣ, заговорили съ тѣмъ же недо-

умѣніемъ и съ тѣмъ же непониманіемъ сущности дѣла. Гонимая за новинками, просмотрѣла дѣйствительно новое и дѣйствительно оригинальное. Это происходитъ потому что наша „интеллигенція“ и выразительница общинтеллигентныхъ мнѣній — журналистика, въ сущности ничѣмъ не интересуется и совершенно равнодушна и къ литературѣ, и къ наукѣ, да и къ самой истинѣ. Въ этомъ смыслѣ интересно свидѣтельство писателя котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ отрицательномъ отношеніи къ „интеллигенціи“, свидѣтельство покойнаго В. Гаршина. Въ одномъ изъ его писемъ, напечатанныхъ въ сборникѣ *Памяти Гаршина*, мы находимъ слѣдующія любопытныя строки:

„Шестаго мы были вмѣстѣ съ Васей у Х.: собралось на именины чловѣкъ пятнадцать молодыхъ учителей, адъюнктовъ, лаборантовъ и прочей ученой братіи. Нехорошее я вынесъ впечатлѣніе. Разговоры объ единичкахъ, ршеніе геометрическихъ куріозовъ, разговоры о треххлористо-беззолотомолодной окиси какой-то чертовщины (я, конечно, навралъ въ этомъ названіи какъ дикарь, но *si non e vero, e ben trovato*) — это часть первая. Гнуснѣйшіе въ полномъ смыслѣ анекдоты — соединеніе ужасной чепухи и безцѣльной, и неостроумной похабщины (какая-то турецкая или таикентская) — это вторая. Основательная выпивка — третья. И больше ничего. Ни одного не только разумнаго, а хоть сколько-нибудь интереснаго слова.“

Вотъ эта самая „интеллигенція“ любитъ толковать о литературѣ, хвалить Бугарина, *Пушкина* и Греча и, въ свободное отъ выпивки, профессиональных занятій и ташкентскихъ анекдотовъ время, для „пополненія пробѣла въ образованіи“, какъ выражаются тѣ же „интеллигенты“, и для того чтобы „быть не хуже другихъ“, не отстать отъ „прогресса“, предается чтенію журнальнаго хлама, находя въ немъ пищу для ума и сердца...

IV.

Кстати вспомнился мнѣ Гаршинъ. Какъ писатель, онъ очень характеренъ. Онъ не имѣлъ художественнаго дарованія. Его небольшіе рассказы—просто какіе-то лирическіе отрывки, безъ начала и конца и, собственно говоря, безъ опредѣленнаго содержанія. Онъ не понималъ состоянія души того поколѣнія къ которому принадлежалъ, а только выразилъ его тоску, не понимая истинныхъ причинъ ея.

Въ прошлой статьѣ я коснулся поэзіи Некрасова—это и было поколѣніе воспитанное именно на Некрасовѣ. Изъ всѣхъ вліяній, его вліяніе было самое глубокое, хотя, быть-можетъ, не очень замѣтное.

Это онъ съ самою большою сплою выразилъ то настроеніе которое искало любви въ ненависти, хотѣло питать любовь ненавистью; это онъ приготовилъ почву для того страннаго и страшнаго извращенія души, которое отразилось въ послѣдствіи въ безуміи и преступленіи, въ которомъ хотѣли

видѣть героизмъ, преступленіемъ, въ которомъ хотѣли видѣть подвигъ.

Создался замкнутый кругъ. Во имя любви проповѣдывалось злодѣяніе—и вотъ изъ этого-то замкнутаго круга пытался выйти Гаршинъ.

Тутъ произошло странное явленіе, заслуживающее большаго вниманія. Теперь, когда опубликованы многія біографическія данныя о Гаршинѣ, можно съ достаточною ясностью судить объ его личности. Вотъ что пишетъ о немъ одинъ изъ друзей его, г. В. Фаусекъ:

„Добръ и магокъ онъ былъ подчасъ до забавнаго, до того что его друзей брала на него досада. Но доброта его не вытекала, какъ это бываетъ иногда, изъ близорукой довѣрчивости къ людямъ и изъ непониманія ихъ. Нисколько. Правда, случалось и ему увлекаться на короткое время людьми, которые затѣмъ быстро повергали его въ полное разочарованіе и вынуждали его подпучивать надъ самимъ собой и своимъ увлеченіемъ. Но это случалось рѣдко, и отношенія эти бывали обыкновенно мимолетны. Онъ легко и ясно видѣлъ слабости и недостатки людей, глупыхъ и дурныхъ людей понималъ отлично, рѣдко вдавался въ обманъ, и вовсе не относился къ нимъ въ сущности дружелюбно; но когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ котораго онъ въ глубинѣ души не любилъ и не уважалъ, онъ не могъ, въ силу самой природы своей, относиться къ нему иначе какъ благодушно и ласково, какъ будто въ его глазахъ ни одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ дурень, не заслужи-

валъ дурнаго, враждебнаго, холоднаго къ себѣ отношенія. Онъ, вѣроятно, и не думалъ этого вовсе, но безсознательно, всѣмъ поведеніемъ своимъ выражалъ это. Онъ часто вызывалъ противъ себя нареканія за такой, какъ казалось, индифферентизмъ. Это не былъ индифферентизмъ, это была неспособность проявленія чувствъ злобы и вражды противъ кого бы то ни было.

„Насмѣшливость совершенно не была въ его характерѣ. Онъ любилъ трюнить и добродушно подсмѣиваться надъ своими друзьями, охотно и самъ въ свою очередь подвергался шуткамъ. Но я въ жизни не слыхалъ чтобы онъ сказалъ кому-либо въ лицо насмѣшку или самую незначительную колкость; если онъ хотѣлъ выразить свое неодобреніе, то всегда говорилъ серьезно и открыто и всегда съ огорченіемъ.

„Когда онъ узнавалъ о какомъ-нибудь зломъ дѣлѣ, дурномъ поступкѣ, мнѣ кажется, въ немъ сильнѣе пробуждалось чувство участія къ пострадавшему чѣмъ негодованія противъ обидчика. А все-таки иногда онъ бывалъ вспыльчивъ, и если на его глаза случалась какая-нибудь гадкая, злая обида, онъ могъ выходить изъ себя и, безъ малѣйшаго колебанія и раздумья, становился на защиту обижаемаго, не стѣсняясь въ выраженіяхъ вражды. Теорія непротивленія злу и казалась ему особенно не-симпатичною своею холодною разсудочностью.“

Судя по біографическимъ даннымъ и по опубликованной перепискѣ Гаршина, въ этой характеристикѣ если и есть преувеличеніе, то самое небольшое. И

вотъ такую-то натуру, добрую, мягкую и слабую, проникаетъ собою „вѣяніе времени“, такой-то натурѣ приходилось какъ-нибудь разорвать замкнутый кругъ, созданный убѣжденіемъ, формулированнымъ Некрасовымъ:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть...

Вотъ такой-то натурѣ, рѣшительно неспособной къ ненависти, приходилось рѣшать вопросъ о злодѣйствѣ предпринимаемомъ во имя любви. И Гаршинъ рѣшилъ его въ своемъ разказѣ *Красный цѣпчокъ*. Онъ изобразилъ сумасшедшаго, который одушевленъ идеей спасти человечество, но спасти его не прибѣгая къ злодѣйству. Такимъ образомъ явилась необходимость разрѣшить неразрѣшимую задачу: какъ безъ злодѣйства, во имя любви, сразу уничтожить все зло въ мірѣ, или то что кажется зломъ. Разрѣшить такую задачу можно было, конечно, только среди галлюцинацій и безумнаго бреда,—и герой разказа Гаршина разрѣшилъ ее сорвавъ *Красный цѣпчокъ*, въ которомъ, по его мнѣнію, сосредоточено было все зло міра и жизни.

Герой разказа—сумасшедшій, заключенный въ психіатрическую больницу, но, очевидно, объ его безуміи можно сказать то что Полоній говоритъ о безуміи Гамлета: „Это безуміе систематическое.“ Это—то самое „безуміе“ которое еще такъ недавно захватило широкую полосу нашей молодежи. Сумасшедшему, въ разказѣ Гаршина, мерещилось что „больница была населена людьми всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Тутъ были и живые, и мертвые. Тутъ были знатные

и сильные мира, и солдаты, убитые в погребную войну и воскресшие. Онъ видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ, закодированномъ кругѣ, собравшемъ въ себя всю силу земли и въ *юрделивомъ* *изступленіи* считалъ себя за центръ этого круга. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему *шпантскимъ предпріятіемъ*, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ въ чемъ оно будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для его исполненія.

Наконецъ, онъ узналъ, въ чемъ будетъ состоять предпріятіе: надо сорвать красный цвѣтокъ, въ которомъ заключено все зло мира. Въ бреду ему кажется что „его зло (то-есть заключенное въ цвѣтѣ) перейдетъ въ его грудь, въ его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ,—тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но *умретъ какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человечества*, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться со *всѣмъ зломъ мира*“.

Все это бредъ сумасшедшаго, но обратите вниманіе на подчеркнутыя мною мѣста—и вы увидите что этотъ бредъ совершенно тотъ же какимъ бредили на яву тогдашніе молодые люди—и часто лучшіе, прекрасные по натурѣ молодые люди, какимъ былъ самъ Гаршинъ...

V.

Это настроеніе страннаго бреда произошло; чѣмъ же оно смѣнилось? Чѣмъ живетъ, что чувствуетъ, къ чему стремится теперешній молодой человекъ, ко-

торый, какъ и прежній хорошій молодой человекъ, остается въ „интеллигенціи“, думаетъ и чувствуетъ вопреки общепринятому мнѣнію.

Дѣло у насъ идетъ объ „извѣстной словесности“, обратимся же къ ней. У насъ есть два заслуживающіе вниманія беллетриста: гг. Чеховъ и В. Короленко. Что же отразилось въ ихъ произведеніяхъ? У г. Чехова *какая-то растерянность мысли*, какое-то странное нежеланіе вникать въ общій смыслъ жизни, какъ бы боясь понять этотъ смыслъ. Но порой, на фонѣ этой растерянности, пробивается правильное чувство, какъ пробилось оно въ изображеніи отца Христофора въ разказѣ *Стень* и въ отношеніи автора къ этому лицу.

У г. Короленки та же растерянность мысли, но уже, напротивъ, при сильномъ стремленіи проникнуть въ общій смыслъ жизни, угадать его. Онъ идетъ дальше г. Чехова (онъ и даровитѣе). У него не только почти всегда правильное душевное настроеніе, часто при совершенно ложной мысли, не только правильныя сочувствія, но иногда эти сочувствія имъ уже и осмыслены, являются уже однимъ изъ элементовъ его міросозерцанія. Недавно вышла вторая книжка его *Очерковъ и разказовъ*. Тамъ читатели найдутъ превосходный разказъ *Ночь*. Я не имѣю намѣренія разбирать его теперь, я хочу лишь воспользоваться нѣкоторыми его мѣстами для подтвержденія и иллюстраціи только-что высказанныхъ мною мыслей.

Въ домѣ родился ребенокъ, и вотъ дѣти допытываются у „дяди Генриха“ и „дяди Михаила“, откуда онъ взялся:

„Михаилъ поправилъ свои очки съ видомъ пренебреженія.

„— Подъ лопухомъ нашли, сказалъ онъ, отряхивая свои кудри.

„Пренебреженіе Михаила задѣло Марка (мальчика) за живое.

„— Глупости, сказалъ онъ съ раздраженіемъ.—Мы знаемъ что это не можетъ быть, на дворѣ дождикъ, она бы простудилась.

„— Ну, вотъ, одна гипотеза отвергнута, засмѣялся Генрихъ;—подавай Миша другую.

„— Спустили прямо съ неба на ничтожъ.

„— Разказывайте, возразилъ Маркъ, входя все въ большій азартъ.—Видно сами не знаете, а мы вотъ знаемъ.“

И дѣти разказываютъ слышанную ими гдѣ-то поэтическую легенду какъ Божьи ангелы приносятъ дѣтей на землю:

„— Что жъ, это все правда? спросилъ Маркъ кончивъ разказъ.

„— Все правда, мальчикъ, все это правда, сказалъ Генрихъ серьезно.

„Тогда Михаилъ, еще за минуту предъ тѣмъ утверждавшій что ребятъ находятъ подъ лопухомъ, нетерпѣливо повернулся на стулѣ.

„— Не вѣрь, Маркъ. Все это глупости, глупыя Мошкины сказки.—Охота, повернулся онъ къ Генриху,—забивать дѣтскую голову пустяками.

„— А ты сейчасъ не забивалъ ея лопухомъ?

„— Это не такъ вредно: это—очевидный абсурдъ, отъ котораго имъ отдѣлаться легче.

„— Ну, разкажи имъ ты, если можешь...
„— Ты знаешь что я могъ бы разказать.

„— Что?

„Михаилъ звонко засмѣялся.

„— Физиологію... разувѣтся въ популярномъ изложеніи. Надѣюсь это бы-ла бы правда...

„— *Напрасно надѣешься...*

„— То-есть?

„— Ты знаешь немного, а думаешь что знаешь все. А они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы... Поэтому, они ближе къ истинѣ.“

Очевидно, всѣ сочувствія автора на сторонѣ „дяди Генриха“. Очевидно, на какомъ пути стоитъ теперешній молодой человекъ. Это путь диаметрально противоположный тому, на которомъ стояли „молодые люди“ описанные Гаршинымъ. И если по тому пути доходили только до безумнаго бреда, до фантастическихъ дѣяній, до полной потери чувства дѣйствительности, то по этому пути, очевидно, придутъ къ чему-нибудь иному—быть-можетъ къ пониманію этой дѣйствительности во всей ея совокупности, къ примиренію съ нею во имъ заключенныхъ въ ней самой правды и красоты—во имъ правды и красоты жизни...

Весь этотъ медленный процессъ, о которомъ свидѣлствуютъ литературныя произведенія, совершается въ сторонѣ отъ „интеллигентной“ толпы, помимо нея и вопреки ей—равнодушной и малодушной...

Ю. НИКОЛАЕВЪ.